

И.А. Рябина

ИВ РАН

Вьетнамское сопротивление монголо-китайскому вторжению во Вьетнам во второй половине XIII в.

Ниже я рассмотрю особенности поведения вьетнамцев во время монголо-китайских нашествий во второй половине XIII в., а также проведём сопоставление с типами поведения представителей русской православной цивилизации, также подвергшейся монгольской агрессии в XIII в. Основным источником моего исследования является вьетнамская официальная летопись «Дай Вьет ши ки тоан тхы» («Полное собрание исторических записок Великого Вьета»), в пятой главе которой описывается монголо-китайское вторжение во Вьетнам.

В ходе вторжения у вьетнамцев выработалась модель противостояния монгольской агрессии «не на жизнь, а на смерть», но произошло это не сразу, эта модель постепенно выработывалась в ходе сменяющих один другого этапов борьбы с иностранной агрессией [7]. Так, во время первого нападения на Вьетнам в 1257 г. мужественное поведение вьетнамской элиты (в основном, поведение высших слоёв общества – родственников императора, высших чиновников, горских князей) сочеталось с проявляемым некоторыми её представителями малодушием и трусостью.

К первому типу поведения относились: 1) проявленное в бою смелое поведение императора Чан Тхай Тонга (1226–1258), который «сам повёл полки и возглавил сражение в авангарде, не обращая внимания на летящие стрелы и камни» [8, л. 22a] (впоследствии император вместе с наследником ещё раз водил армию в наступление и одержал победу над монголами в бою возле Донгбодау) [8, л. 22a]; 2) отвага Ле Фу Чана, отказавшегося отступить и «одинокое скакавшего среди вражеских боевых порядков» [8, л.22a], затем «прикрывавшего императора от стрел корабельными досками», а когда всё же пришло время отступить – «следовавшего за императором и державшего с ним тайный совет»¹ [8, л.22b]; 3) наконец, решительное заявление военачальника *тхайфу* Чан Тху До, твёрдо заверившего оказавшегося в трудной ситуации правителя: «Пока моя голова не упала на землю, Вам, Ваше Величество не нужно

© Рябина И.А., 2009

тревожиться об этих напастях» [8, л.22b]. В эту же категорию «героев» входит и предводитель пограничной области Куихоа, горский князь по имени Ха Бонг, собравший отряд «варваров» и нанёсший монголам при отступлении сильное поражение. За эту победу Ха Бонгу был пожалован титул *хау* [8, л. 22b].

Ко второму типу поведения можно причислить трусость военачальника *тхайуи* Чан Нят Хиеу, перед лицом императора начертавшего на борту корабля два иероглифа «бежим [к] Сунам (т.е. в Сунский Китай, в то время воевавший с монголами. – *И.Р.*)», что вызвало справедливый порицательный комментарий средневекового историка Нго Ши Лиена: «[Чан] Нят Хиеу был сановником из царского рода. Когда пришли враги, он проявил малодушие и трусость. Он не только не предложил никакого плана обороны и защиты, но ещё и подталкивал своего государя покинуть родину. Какой толк от таких советников!?» [8, л.22b].

Не столько трусом, сколько обиженным был *тиеу хиеу* (младший военачальник) Хоанг Кы Да, которому не досталось «императорское манго» (плоды манго, распределяемые среди воинов самим императором). Затаив обиду, Хоанг Кы Да при наступлении монголов на Донгбоду «на лёгкой лодке обратился в бегство», а когда плывшие ему навстречу вьетнамские войска спрашивали о местонахождении противника, отвечал: «Не знаю, вам бы спросить у тех, кто жрал тогда манго» [8, л. 23a]. Следует отметить интересный факт. Когда наследник престола (будущий Чан Тхань Тонг) потребовал осудить Хоанг Кы Да из его «измену» на смертную казнь, император Чан Тхай Тонг воспротивился предложению сына, заявив: «Дело Кы Да – моя ошибка». Чан Тхай Тонг напомнил сыну эпизод из древней китайской истории, зафиксированный в «Цзо чжуань», когда военачальник царства Сун по имени Хуа Юань при распределении баранины накануне сражения не угостил своего колесничего Ян Чжэнь. В решающий момент битвы Ян Чжэнь, напомнив Хуа Юаню его недавнюю оплошность (сказав «вчера распределение мяса было в Ваших руках, сегодня ход сражения – в моих»), сломал колесницу и перешёл на службу к царству Чжэнь. В результате царство Сун потерпело поражение. Помня об этом историческом прецеденте, император смог снисходительно отнестись к человеческой слабости Хоанг Кы Да и заменил ему смертную казнь и истребление рода на искупление вины боевыми заслугами и победами над противником в будущих сражениях [8, л. 23a]. По-видимому, накал антимонгольской борьбы во Вьетнаме ещё не привёл к той степени ожесточения, которая не предполагала помилования изменников.

Иная ситуация сложилась через 28 лет, когда монголо-китайские войска династии Юань предприняли решительную попытку захватить территорию Вьетнама.

Предварительно монгольские войска захватили территорию Китая, разгромив династию Южная Сун, которая пала в 1279 г. [4, с. 386]. Почему был завоёван Сунский Китай? Дело в том, что давление кочевников на границы Китая в X–XII вв. можно сравнить лишь с периодом IV–VI вв., когда север страны превратился в арену вражды сменяющих друг друга

государств, основывавшихся, как правило, не китайскими племенами и народами [4, с. 69]. Завоевание Китая кочевниками в X–XII вв. началось ещё до образования империи Сун. В 936 г. кидани, провозгласившие создание государства Ляо, захватили 16 округов в северной части современных провинций Хэбэй и Шаньси и в 946 г. взяли Кайфэн. Они оставили за собой эту территорию, сделав Кайфэн своей столицей, и после образования империи Сун [4, с. 300]. В начале XII в. появилось новое государство кочевников – чжурчжэньская империя Цзинь, с которой Суны вступили в союз, имея целью разгромить киданей и вернуть себе 16 северных округов. И действительно, часть земель китайцы себе вернули. Но за это они вынуждены были платить чжурчжэням дань. В 1125 г. государство Ло было побеждено чжурчжэнями, и они начали натиск на Китай, захватив в 1127 г. китайскую столицу и увезя пленённого императора на север. Один из его братьев, Чжао Гоу, бежал на юг и был там провозглашён императором государства Южная Сун, столицей которого стал Ханчжоу. Начавшееся противостояние Цзинь и Южной Сун временно закончилось миром 1141 г., по которому к кочевникам не только отходили земли севернее реки Хуайшуй, но южносунский император признал себя вассалом цзиньского правителя и обязался платить ему огромную ежегодную дань [4, с. 300–303]. В 1209 г. на севере появились монголы. Они нанесли ряд поражений и в 1215 г. захватили Пекин. С помощью Южной Сун монголы разгромили в 1234 г. чжурчжэней и начали нападение на государство Южная Сун [4, с. 384], которое к этому времени находилось уже в конце династийного цикла и обладало всеми «дефектами», присущими этому времени, прежде всего – неспособностью оказывать стойкое сопротивление противнику. В результате, после сорокалетнего противостояния к власти в Китае пришла монгольская династия Юань [4, с. 384–386].

За прошедшее с 1258 г. время монголы не предпринимали вооружённых нападений на Вьетнам. За почти три десятка лет взаимоотношения Юаней с Чанами претерпевали различные метаморфозы и колебались от жёсткого противостояния до значительного ослабления напряжённости и наоборот, а также от формальных значительных уступок, сделанных вьетнамцами в сфере государственного суверенитета (при этом не поступаясь реальной независимой политикой), до «выторговывания» некоторых привилегий и снова к признанию более высокой степени ритуального подчинения монголам [7].

Наконец, в конце 1282 г. юаньский император Хубилай потребовал от вьетнамских властей предоставления прохода через территорию Дайвьета в Чампу сухопутной монголо-китайской армии (200-тысячное юаньское войско уже было посажено на 350 кораблей и отправлено к пределам южного соседа Вьетнама). Чан Нян Тонг не только отказал монголам в этой просьбе, но и отправил в Чампу в ответ на посольство, подарившее правителю Дайвьета одну из высших буддийских ценностей – белого слона, вьетнамские боевые отряды и суда для борьбы с монголами. Армии Юань также было отказано в снабжении продовольствием в связи со скудностью урожая и малыми размерами Дайвьета [7].

Это означало войну, которую рано или поздно должно было начать монгольское правительство Китая против своего непокорного «вассала». Но к войне готовился и «вассал». В 10 месяце 1282 года в горном местечке Биньтхан правитель Чан Нян Тонг собрал совет, пригласив на него представителей родовой знати, а также высших военных и гражданских чиновников. На этом совете было принято решение расположить вьетнамские войска в стратегически важных пунктах вьетнамо-китайской границы. В конце 1282 г. вьетнамские войска сконцентрировались на китайской границе под командованием талантливого военачальника Чан Куок Туана. Некоторые представители землевладельческой родовой знати на собственные средства формировали частные боевые дружины, иногда насчитывавшие тысячи человек. Однако, военная тревога конца 1282 г. не получила продолжения в 1283 г. Армия Сагату увязла в Чампе. В течение 1283–1284 гг. монголо-китайские войска осаждали город Мучэн, брали столицу Виджайю и другие города и крепости Чампы, боролись с партизанами, которых возглавлял принц Хариджитом, а после введения системы управления юаньскими чиновниками столкнулись с всенародным сопротивлением чамского народа. Только после прибытия в середине 1284 г. дополнительного подкрепления из Китая, монгольское руководство смогло заключить мир с противником, выговорив в качестве условия визит внука чамского короля в Даду (Пекин). Фактически, это была победа чамских патриотов. Она была достигнута не в последнюю очередь благодаря тому, что вьетнамцы не пропустили через свою территорию монгольский экспедиционный корпус, а опыта переброски войск по морю у Юань не было. Кроме того, мир с Чампой был заключён Хубилаем на очень благоприятных для Индравармана V условиях потому, что монголам срочно требовались войска для войны с Дайвьетом [7].

В конце 1284 г. из Китая вернулся вьетнамский чиновник Чан Фу, в задачу которого входило обеспечение договоренностей, предотвращающих монголо-китайское вторжение. Эту задачу Чан Фу не выполнил. Он сообщил, что на северных границах Вьетнама сосредоточена полумиллионная китайская армия во главе с наследником престола и множеством монгольских военачальников. Задачей этой армии являлось вторжение во Вьетнам по множеству направлений. Предлогом для вторжения служил поход против непокорной Чампы [8, л. 44а].

Свободе Вьетнама угрожала такая опасность, которой он не подвергался со времён закончившейся в X веке «северной зависимости». Понимая всю серьёзность ситуации, правительство Дайвьета предприняло экстраординарные меры, к которым власти не прибегали ни до, ни после начала 1285 г. Обычно император стремился получить одобрение своим действиям лишь со стороны родовой знати и высших сановников. Теперь же он созвал «стариков и отцов Поднебесной (имеется в виду Вьетнам, который в официальной вьетнамской идеологии наряду с Китаем также считался «Поднебесной», только «своей собственной», с центром в Тханглаунге. – *И.Р.*) и собрал их у ступеней дворца Зиенхонг, даровал им пищу и спросил: «Что будем делать?» Все крикнули: «Биться».

Множество людей одновременно произнесло это слово, как будто оно вылетело из одних уст» [8, л. 44а].

Эта акция Чан Тхань Тонга была столь необычна для традиционного Вьетнама, что она вызвала следующий комментарий средневекового вьетнамского историка и историографа Нго Ши Лиена: «Нападение северных варваров – это великое бедствие для государства. Но оба императора (имеются в виду уступивший в 1258 г. трон своему сыну Чан Тхай Тонг, продолжавший оказывать самое серьёзное влияние на государственную политику, и его преемник Чан Тхань Тонг, являвшийся официальным императором. – *И.Р.*) уже сверили свои планы, да и все сановники уже собирались на совет. Разве у них ещё не было плана отражения неприятеля!? Какого ещё совета они ждали от [приглашённых] на угощение старцев? Очевидно, Тхань Тонг желал убедиться в искренности любви и уважения простого народа. А ещё [он желал], чтобы [народ], выслушав его вопрос, преисполнился решимостью...» [8, л. 44а].

Действительно, в 1285 г. властям Дайвьета нужно было перевести противостояние с иностранным агрессором, покорившим Китай, Корею и даже Бирму, в форму общенародной войны. Правительству Вьетнама необходим был совершенно иной уровень сопротивления противнику, не характерный для обычных войн. В этой связи стоит напомнить о судьбе северных, западных и восточных *юэ* (вьетов), живших южнее реки Янцзы и после III в. практически исчезнувших с этнолингвистической карты. Отсюда и обращение «обоих императоров» к «старикам и отцам», в той или иной мере представляющим интересы простого вьетнамского народа. Не только элита вьетнамского общества, но и широкие народные массы воспринимали противника в случае потери Дайвьетом реальной независимости в качестве истребителя и уничтожителя культуры, языка, национальной религии (культы предков), самого вьетнамского этноса, который мог быть ассимилирован китайскими переселенцами. Отсюда и столь яростное сопротивление противнику в последовавшей вьетнамо-китайской войне.

Как же развивались военные действия в ходе этой войны?

В начале 1285 г. огромное монголо-китайское войско вторглось в северные районы Дайвьета. Вьетнамская армия не смогла удержать горные заставы Нойбанг, Тхиенлюок и Тиланг в области Виньтоу. Оставив столицу Тханглаунг и уничтожив архивы, не сумев оказать монголо-китайским войскам серьёзного сопротивления и терпя поражения, остатки вьетнамской армии ушли в дельту Красной реки и сосредоточились в крепости Ванкиеп [8, л. 44b].

При отступлении вьетнамцы применяли тактику «выжженной земли». Чан Хынг Дао реквизирует рис у богачей и раздал его своим солдатам. В результате наступающие монголо-китайские войска сразу же начали испытывать проблемы с продовольствием – взять его монголам и китайцам было практически неоткуда. В рамках проведения тактики «выжженной земли» вьетнамские власти заставляли местных крестьян, которым грозила оккупация, покидать свои деревни и уходить в леса. К тем, кто осмеливался нарушить это распоряжение и не уходил со своего

места жительства, применялись самые жестокие меры наказания: их казнили. В качестве демонстрационного эффекта решимости правительства заставить всё вьетнамское население исполнять «верховную волю» принимались шокирующие меры: по рекам были пущены плоты, на которых располагались казнённые крестьяне, осмелившиеся ослушаться приказа о принудительной эвакуации [2, с. 154].

Наличие среди крестьян жертв политики «выжженной земли» свидетельствует о том, что отступление вьетнамских войск и, особенно, сдача столицы имели не только большое военно-политическое значение, но и мощное психологическое воздействие на население страны. Часть крестьянства пыталась как-то наладить своё существование и под властью монголов. Однако жестокие репрессивные меры лишили оккупантов местного продовольственного и человеческого ресурса. Это была проверенная веками вьетнамская политика по отношению к захватчикам, допустимая в основном в тех случаях, когда на карту было поставлено само существование небольшого преимущественно моноэтнического государства.

Военные поражения, отступления и уход из Тханглаунга, в основном, не поколебали готовности вьетнамской элиты к сопротивлению. Император на утлой лодчонке бежал в Хайдонг (будущий Куангиен). Хроника «Дай Вьет ши ки тоан тхы» рассказывает о стеснённых условиях, в которых находился Чан Нян Тонг во время своего бегства: к вечеру он «ещё не ел даже утренней трапезы. И тут перед ним предстал рядовой солдат и преподнёс ему кашу из неочищенного риса»² [8, л. 44b].

После отступления вьетнамских войск в Ванкиеп Чан Хынг Дао провёл мобилизацию местного населения на ещё не занятых монголами и китайцами территориях Хайдонга, Ванча, Бадиема и соседних районов. Отобрав из числа крестьян «отважных» воинов, он сформировал из них ударные отряды и по морю переплавил на юг. По оценкам средневековых хронистов, военная ситуация временно улучшилась. В обстановке всеобщего воодушевления солдаты татуировали на руке иероглифы «смерть монголам». Примеру Чан Хынг Дао последовали и другие военачальники. В короткий срок они собрали двухсоттысячную армию и прибыли в Ванкиеп, отдав себя в распоряжение Чан Хынг Дао [2, с. 154].

Вдохновлённый этими ободряющими известиями Чан Нян Тонг, по сообщениям хроники «Дай вьет ши ки тоан тхы», сложил стихи, содержащие аллюзии на эпизоды древнекитайской истории, в которых попавший в тяжёлое положение Гоу Цзянь, правитель царства Юэ (Вьет), населённого родственным вьетнамцам народом, сумел выстоять в сражении с противником, превосходящим его армию во много раз, а затем и разгромить царство У. Император с радостью отметил, что в «Хоантяу и Зиентяу (то есть, в южной части Дельты. – *И.Р.*) ещё осталось стотысячное войско» [8, л. 45a].

Возможно, составители хроники «Дай Вьет ши ки тоан тхы» несколько преувеличивают стойкость, мужество, верность государственной вьетской традиции, проявленные представителями вьетнамской высшей власти. Однако, общее настроение всех социальных слоёв преодолеть тяготы

чужеземной агрессии хроника «Дай Вьет ши ки тоан тхы» всё-таки передаёт верно.

Сам Чан Хынг Дао пользовался среди своих подчинённых уважением и даже любовью. Об этом свидетельствует следующий эпизод. После разгрома вьетнамской армии и рассеяния флота, когда Чан Хынг Дао пришлось спастись от монголо-китайских преследователей бегством, он торопился к своему кораблю, которым управлял один из рабов, являвшихся его доверенным лицом. Вьетнамский военачальник опасался, что, боясь быть захваченным монголами, раб уплывёт на корабле, не дождавшись своего хозяина. Однако, другой «приближённый раб» уверял Чан Хынг Дао в верности своего товарища. И он оказался прав. Добравшись до ожидавшего его корабля, Чан Хынг Дао изрёк: «Дикий журавль (мифическое существо. – *И.Р.*) высоко летает, потому что опирается на шесть крыльев. Но если бы у него не было этих шести крыльев, то это была бы обычная птица». В результате преследующим по пятам Чан Хынг Дао монголам так и не удалось его догнать [8, л. 45а]. По-видимому, единение знати и народа, включая самые «высшие» (родственников императора) и самые «низшие» (рабов) социальные категории, сплотившиеся против общего врага, в это трагическое для Вьетнама время до некоторой степени действительно имело место.

Однако военная ситуация на севере складывалась крайне неблагоприятно для вьетнамцев. Новое наступление монгольского военачальника Омара привело к захвату Ванкиепа, который защищала основная военная группировка под руководством Чан Хынг Дао. Вьетнамская средневековая хроника с горечью констатирует: «Наша правительственная армия разбежалась» [8, л. 45b]. Д.В. Деопик отмечает: «в самом начале 1285 г. они (монголо-китайская армия. – *И.Р.*) захватили все основные опорные пункты Дельты и вокруг неё; такого не было уже 400 лет» [2, с. 154]. Захватчики зверствовали на оккупированных территориях. Поскольку после взятия Зялама, Вуниня и Донггана у всех захваченных в плен вьетнамских солдат обнаружилась на локте татуировка «смерть монголам», разгневанные монголы устроили военнопленным кровавую резню [8, л. 45b].

В этой очень тяжёлой ситуации вьетнамское руководство попыталось дипломатическими методами сдержать победное наступление противника. Правда, средневековые хронисты двойственно определяют цель визита вьетнамского представителя к монголам. В одном случае эта цель квалифицируется как разведывательная, в другом, как дипломатическая – попытка заключить перемирие. Собственно, почти всякое посольство, как со стороны Вьетнама в Китай, так и наоборот, всегда имело как дипломатическую, так и шпионскую задачу. Однако, в данном случае, функция примирительная, по-видимому, всё-таки преобладала. Правда, официальным вьетнамским властям после окончания войны было неудобно признавать свою временную слабость и желание заключить мир или перемирие с противником на явно не выгодных для себя условиях и только лишь затем, чтобы каким-то образом сдержать многотысячную лавину монголо-китайских полчищ. Отсюда и двойственность в характеристике задач

отправляемого к монголам посла. Очень характерно, что правительство так и не смогло найти человека из числа высших чиновников или военачальников, который бы согласился отправиться к монголам. Поэтому императору Чан Нян Тонгу пришлось удовлетвориться посылкой мелкого чиновника (*ми хоу кук-тху*) До Кхак Тюнга, который наполовину этикетно, наполовину реально характеризовал своё положение: «Я, худородный и бездарный, прошу разрешения пойти». Император был очень рад тому, что нашёлся хоть кто-то, отважившийся посетить победоносное монгольское командование. Своей радости он не мог скрыть в ответе До Кхак Тюнгу: «Невдомёк мне было, что среди соляных повозок (т.е. нерешительных военачальников и высших чиновников. – *И.П.*) найдётся такой чудесный скакун» [8, л. 45b].

В ходе переговоров с монгольским командующим Омаром проявилось стремление вьетнамского посла снять вину с высшей власти Дайвьета за жёсткость антимонгольского сопротивления. На вопрос Омара: зачем «...он [император Чан Нян Тонг] велел своим людям выколоть себе [надпись] „смерть монголам“?!», До Кхак Тюнг сумел удачно оправдать своего повелителя: «Когда хозяйская собака облаивает чужака, то это не вина самого хозяина. Воодушевлённые чувством верности, они (вьетнамские солдаты. – *И.П.*) сами сделали себе наколки. Куок-выонг (император Чан Нян Тонг. – *И.П.*) об этом даже не знал. Вот я, его приближённый, почему же у меня её нет?» В доказательство своих слов До Кхак Тюнг засучил рукав и показал обнажённую до плеча руку, на которой не было никакой татуировки [8, л. 45b]. Тогда Омар стал упрекать вьетнамское правительство за то, что в момент сосредоточения монголо-китайской армии у границ Дайвьета (якобы для прохода в Чампу) «[люди] вашего царства не опустили своё оружие и не явились к нам для встречи, но, напротив, стали противиться воле [Сына Неба], [пытаясь], словно богомол плечом, задержать колесницу. Как [прикажете] быть с этим?!». На это Кхак Тюнг ответил: «Ваши добрые полководцы не последовали тактике Хань Синя, когда тот умиротворял царство Янь. [Эта тактика состоит в том], чтобы стать лагерем у самой границы и сначала направить вызывающее доверие послание, а если не будет доброго ответа, то только тогда это будет преступлением. В данном случае, мы вместо того творим друг другу насилие, как говорится, если звери до изнеможения бьются друг с другом, а птицы до изнеможения клюют друг друга, то не тем ли паче [поступают] люди!?» [8, л. 45b]. В ответ Омар, требуя пропустить монголо-китайское войско по сухопутным дорогам через Дайвьет в Чампу, прибег к неприкрытой угрозе: «[Если] кое-кто решил упорствовать в своем заблуждении, то в кратчайший миг ваши горы и реки станут гладкой равниной, а ваш правитель и его вельможи будут удобрением для трав» [8, л. 45b].

В итоге переговоры До Кхак Тюнга с Омаром никаких результатов не дали. Монгольский полководец сразу же послал свою армию в наступление, и они вступили в бой с вьетнамскими войсками. В это же время активизировалась монгольская армия под командованием Сагату, вторгшаяся в южные районы Вьетнама из Чампы и захватившая территорию Нгеана и

Тханьхоа. В связи с этим, несмотря на тяжелейшую военную ситуацию на Севере, Чан Хынг Дао вынужден был заботиться о положении в Нгеане и требовать от военачальников сдерживать напор монголов на юге [8, л. 47а].

О трудном положении армии Дайвьета в Нгеане свидетельствуют измены вьетнамской знати. Сагату отправлял таких изменников в Китай, но по дороге часть из них перехватывали местные жители приграничных районов. В этих стычках часть изменников погибала, но некоторым удавалось перебраться в Китай³ [8, л. 47а].

Предпринимая все возможные меры для того, чтобы «облегчить страдания государства», император Чан Нян Тонг не нашёл ничего лучшего, как послать к Тугану свою тётку, младшую сестру ещё здравствующего императора-наставника Чан Тхань Тонга [8, л. 45а]. Этот специфический «дар» должен был задобрить монгольского военачальника, но существенных результатов не дал.

Наряду с изменой родовой знати хроникой зафиксированы также случаи беспримерного героизма вьетской элиты. Потомок основателя династии Ле и муж императорской принцессы Чан Бинь Чонг после жаркого боя был схвачен монголами и подвергся допросу. Однако он отказался не только отвечать, но и принимать пищу. Единственный вопрос, на который ответил Чан Бинь Чонг, звучал так: «Хочешь ли быть ваном (выюгом – правителем. – *И.Р.*) на Севере (в Китае. – *И.Р.*)?» Ответ прозвучал вполне достойно: «Лучше быть злым духом на Юге, чем выюгом на Севере». После этого Чан Бинь Чонг героически принял смерть [8, л. 47а].

Положение вьетнамцев в Северном Вьетнаме было очень тяжёлым. Обоим императорам, Чан Нян Тонгу и Чан Тхань Тонгу, постоянно грозил плен. Чтобы запутать неприятеля и избежать монгольской неволи они проделывали такой трюк: направляли большой императорский корабль в ложном направлении, а сами шли или плыли другим путём. В среде «скитающихся» по стране придворных возникали подозрения относительно того, что кто-то из ближайших родственников собирается выдать обоим императоров монголам [8, л. 47а]. Обстановка в окружении правителей была крайне напряжённой.

Весной 1285 года оба императора, пешком и по воде, постоянно меняя транспортные средства, пересаживаясь с лодки на лодку, покинули Северный Вьетнам и переправились в Тханьхоа [8, л. 47б].

В этой чрезвычайно трудной ситуации, когда многим представителям родовой знати казалось, что монголо-китайские войска одержали полную и окончательную победу, на сторону захватчиков перешли некоторые ближайшие родственники обоим императорам и высшие чиновники. Среди первых был брат императора-наставника Чан Тхань Тонга, которому Юани пожаловали титул Ан-нань го-вана [8, л. 47б]. Как отмечает Д.В. Деопик: «Казалось, что война проиграна» [2, с. 156].

В этот момент бежавшие в Тханьхоа оба императора собрали государственный совет, на котором было констатировано: «Орды врагов уже многие годы ходят в дальние походы, по десять тысяч ли [проезжают] их обозы, [поэтому] их силы наверняка истощены». В связи с этим высшим

руководством был принят дальнейший план действий: «Если их истощённости противопоставить нашу уверенность и лишить их [боевого] духа, то разобьём их непременно!» [8, л. 48а].

Действительно, совершенно неожиданно, уже к началу лета 1285 г. вьетнамская стратегия «выматывания» противника, стала давать результаты. Не привычные к тропической жаре, голодающие монголы и китайцы стали уставать, болеть и терять силы. Регулярная вьетнамская армия сосредоточила удары на небольших городах, а местные войска, партизанские отряды Севера и боевые дружины владельцев *диен чангов* (крупных земельных владений), принадлежащих аристократам, уничтожали захватчиков в сельской местности, очищая от интервентов значительные территории. Эти действия вьетнамцев на Севере были столь эффективны, ущерб, наносимый монгольским войскам, столь велик, что главнокомандующий Тогхан отдал приказ действовавшему в Чампе монгольскому военачальнику Сагату срочно двигаться в дельту Красной реки [2, л. 48а]. Одновременно в дельту должен был войти и китайский флот под командованием Омара. Тогхан делал всё возможное, чтобы восстановить то стратегическое преимущество монголов, которое существовало до начала лета 1285 г. [2, с. 156].

Однако, ещё до прихода в дельту войск Сагату вьетнамцы «навязали противнику встречный бой на прибрежной полосе возле Тайкета». Кроме того, атакам подверглись и другие места расположения монголо-китайских войск [8, л. 48а]. При этом в рядах вьетнамских войск впервые упоминаются сражающиеся китайцы, перебравшиеся на жительство во Вьетнам после разгрома монголами империи Сун и составившие часть дружины аристократа Чан Няг Зуата. Эти китайские эмигранты образовали отдельный отряд, которым командовал их собственный военачальник Чжао Чжун. Поскольку они были одеты в китайское платье и, естественно, очень походили на тех китайцев, которые сражались в рядах монгольского войска, то император-наставник специально разъяснял вьетнамским войскам, что «это татары *тиеу ван выонга* (титул Чан Няг Зуата. – *И.Р.*). Следует тщательно отличать их» [8, л. 48а]. По-видимому, роль этих китайцев в военной победе вьетнамцев была довольно значительной, так как в хронике «Дай вьет ши ки тоан тхы» специально указывается: «заслуга разгрома Юаней во многом принадлежала (Чан) Няг Зуату» [8, л. 48b].

Появление в рядах вьетнамских войск сражающихся китайцев свидетельствует, на мой взгляд, о том, что, во-первых, в Дайвьете были мобилизованы уже все имеющиеся ресурсы, война приняла тотальный характер, во-вторых, риск измены «сунских» китайцев и переход их на сторону монголов был для вьетнамских властей менее велик, чем выгода от привлечения этого ресурса к борьбе с завоевателями, в-третьих, «сунские» китайцы чувствовали начавшуюся перемену в военной обстановке и потому решительно выступили на стороне принявшей их вьетнамской элиты.

Первые успешные контратаки воодушевили вьетнамцев. В военных действиях приняли участие оба императора, разгромившие монголов в

округе Чыонган. В этом «бою было убито бесчисленное количество врагов» [8, л. 48b]. Однако не эти победы были решающими.

Опасаясь подхода Сагату из Тханьхоа, вьетнамское военное руководство действовало быстро и решительно. Дождавшись подхода из Тханьхоа армии Чан Куанг Кхая, вьетнамцы нанесли серию ударов по противнику в столице, одержали победу при Тьонгзыонге, а также и в других стратегически важных местах. Разгром флота на реке при Тьонгзыонге, отсутствие войск Сагату и угроза окружения заставили монгольского главнокомандующего Тогхана начать отступление на север, за реку Лозянг [8, л. 49a].

В результате героической и очень умелой (с применением уловок, таких, например, как бамбуковые манекены, создающие иллюзию увеличения численности вьетнамского войска) обороны прибрежных рек, флот под командованием Омара так и не смог соединиться с монгольским гарнизоном, оккупировавшим столицу [8, л. 49a]. Через некоторое время флот Омара был разгромлен и обратился в бегство. Вьетнамцы преследовали бегущего противника. Хроника «Дай Вьет ши ки тоан тхы» сообщает о том, что в результате этого преследования было захвачено более пятидесяти тысяч монголов, а сам Омар спасся морем на одном корабле [8, л. 49b]. Возможно, это преувеличение, но сам факт разгрома монгольского флота бесспорен.

Приблизительно в это же время в Тайкете был разгромлен наконец-то пришедший из Тханьхоа со своими войсками Сагату. В этой битве было убито и ранено очень много монголов и китайцев. Самому Сагату отрубили голову⁴ [8, л. 49b].

После Омара и Сагату настала очередь Тогхана. Против него выступил сам Чан Хынг Дао, который настиг отступающих больных лихорадкой монгольских и китайских солдат в районе Ванкиепа. Только здесь, на последнем этапе этого вторжения вьетнамский главнокомандующий дал генеральное сражение китайскому главнокомандующему. Поражение монголо-китайского войска было сокрушительным. Множество интервентов утонуло. В этой битве вьетнамцы применили отравленные стрелы и один из китайских полководцев, Ли Хэн, умер от раны в левую коленку.

Другой китайский военачальник, Ли Гуань, собрал остатки войска численностью в пятьдесят тысяч человек и, «укрыв Тогхана в бронзовом сосуде», бежал на север. Однако по дороге к границе войска Чан Хынг Дао настигли бегущих монголов и китайцев и ещё раз разгромили. Ли Гуань погиб от отравленной стрелы, но Тогхан сумел увести остатки армии в Китай [2, с. 157; 8, л. 49b]. Так бесславно окончился этот самый страшный из всех походов, которые после обретения Вьетнамом независимости предпринимал на его территории северный сосед.

Особых торжеств по поводу разгрома монголов устроено не было. Просто оба императора вернулись в столицу Тханглаунг, военачальник Чан Куанг Хай сочинил победные стихи, а затем было объявлено «о степенях пожалований заслуженным поданным и о наказаниях сдавшихся врагу» [8, л. 50a].

Монголо-китайское нашествие причинило колоссальный людской и материальный ущерб Вьетнаму. Хотя точных цифр потерь как военного, так и мирного вьетнамского населения источники не приводят, но судя по последующей тяжёлой обстановке (разорение и голод 1290–1291 гг.) [2, с. 157; 8, л. 50а], они были огромны. Не случайно император Чан Нян Тонг в конце 1285 г. отдал приказ составить новые подушные списки, чтобы «посмотреть ... потери нашего народа» [8, л. 50а].

Однако, в 1285 г., сразу после изгнания захватчиков вьетнамские власти не могли сосредоточиться лишь на восстановлении разрушенной экономики. Необходимо было готовиться к отражению новой агрессии, угроза которой была совершенно реальной. Несмотря на ряд дружественных по отношению к династии Юань вьетнамских акций (отправке в Китай сначала летом 1285 года взятого в плен вместе с армией Сагату высокопоставленного монгольского чиновника и его свиты, а затем, весной 1286 г. разрешение вернуться всем юаньским войскам) [8, л. 50b], монгольские власти были настроены весьма агрессивно. Вслед за отправкой в Тханглаунг монгольского посла Хубилай весной 1286 г. издал приказ привести в боевую готовность полумиллионную армию, построить 300 кораблей на Янцзы в провинции Хугуан (Хунань), а также собрать местные войска трёх южных провинций и двинуть их во Вьетнам, якобы для сопровождения нового «законного» правителя Аньнань го-вана Чан Ить Така [8, л. 51а].

Монгольское правительство сосредоточило все силы на вторжении в Дайвьет. В связи с этим в 1286 г. была приостановлена подготовка очередного вторжения в Японию, а в 1287 г. власти в Даду (Пекине) не дали разрешения на войну с бирманским Паганом. Юньнаньская провинциальная администрация вынуждена была вести войну с Паганом на свой страх и риск [4, с. 403].

Теперь уже Хубилай отбросил надуманный предлог – требование пропустить через Вьетнам монголо-китайскую армию в Чампу. Вторжение проводилось под флагом утверждения на престоле нового верного Пекину правителя – брата императора-наставника и дядю «действующего» императора, фактически являющегося монгольской марионеткой.

Вьетнамцы отреагировали на это быстро и решительно. Летом 1286 г. всей родовой знати (*выонгам*, *хоу* и членам императорского рода) был отдан приказ набирать войска и возглавлять своих подчинённых. Командовать всеми войсками вьетнамский император поручил Чан Хынг Дао [8, л. 51а].

Хроника «Дай Вьет ши ки тоан тхы» передаёт разговор между Чан Нян Тонгом и Чан Хынг Дао. Император осведомлялся у своего военачальника о вражеских силах. Чан Хынг Дао объяснил случившуюся в кампаниях 1285 г. сдачу в плен (самый яркий пример – измена Чан Ить Така) и бегство войск тем, что «в стране долгое время был великий мир и народ не знал войны». Действительно со времени последнего монгольского вторжения в 1257 году прошло 28 лет. «Если же они явятся ещё раз – продолжал Чан Хынг Дао – то [теперь] наши земли уже закалены в наступлениях и сражениях, а их армия утомлена длительным походом. К

тому же воспоминание о поражениях... лишит их боевого духа. С точки зрения [вашего] слуги, разобьём их непременно!» [8, л. 51a].

Зимой 1286 г. было проведено учение вьетнамских войск, которые постоянно находились в боевой готовности в приграничных территориях [8, л. 51b]. Весной 1287 г. вьетнамцам стало известно, что для вторжения в Дайвьет в дополнение к войскам трёх южных провинций были набраны солдаты в юго-западной провинции Юньнань, а также «инородцы из четырёх заморских районов». Учитывая опыт кампании 1285 г., во время которой вьетнамцы применили тактику выжженной земли и фактически лишили интервентов местного продовольствия, монгольские власти отдали распоряжение китайскому чиновнику Чжан Вэньху плыть на кораблях вслед за армией и везти огромные запасы провианта.

Для управления захваченными территориями монгольские власти учредили Главное управление по умиротворению Цзяочжи, в которое входили ветеран вьетнамских походов Омар, его монгольский коллега и китаец Фань Цзи [8, л. 52a].

Угроза столь мощного вторжения вызвала в среде вьетнамского чиновничества предложение о дополнительном наборе в армию всех годных для военной службы, что должно было значительно увеличить численность вьетнамских войск. Однако, поскольку новое пополнение состояло из необученных воинов, то Чан Хынг Дао отклонил это предложение, заявив: «Армия ценится искусностью, а не количеством» [8, л. 52]. Это предполагало новый, по сравнению с кампанией 1285 г., подход к стратегии сопротивления интервентам: если прежняя война носила тотальный характер, то теперь Чан Хынг Дао надеялся отразить противника только лишь с помощью кадровых обученных войск. Однако её так и не удалось реализовать, так как нашествие мощной армии северного соседа можно было отразить только лишь «всем вьетнамским миром».

В конце весны 1287 г. вьетнамские власти провели амнистию преступников, а в начале лета закончили разбор судебных дел и снова провели учения войск [8, л. 52a]. К отражению агрессии готовились очень тщательно.

Природные явления предвещали грядущие катаклизмы. В первый день зимы по лунному календарю произошло солнечное затмение. Той же зимой «солнце задрожало и стало четырёхугольным».

В конце 1287 г. монголы захватили горную заставу Фулыонг. Взволнованный император обратился к Чан Хынг Дао с вопросом о том, что будет с приходом врага? Великий военачальник уверенно ответил: «В этом году легко одолеем врага» [8, л. 52a].

С самого начала приграничных боев вьетнамцы применяли отравленные стрелы. Монгольско-китайское войско продвигалось внутрь страны со значительно большими трудностями, чем в 1285 г. В ряде случаев вьетнамцам удавалось контратаковать, наносить противнику существенные потери, даже заставлять отступать, захватывать пленных, лодки, корабли, лошадей, повозки, оружие. У излучины реки Дамо было потоплено множество солдат противника [8, л. 52a].

И всё-таки под напором превосходящих сил противника вьетнамская армия вынуждена была отступать. Тесня вьетнамцев, монголо-китайское войско во главе с Тогханом подошло к укрепленному лагерю Ванкиеп и взяло его штурмом [8, л. 52b]. Вьетнамцы уклонились от генерального сражения.

Пока армия Тогхана победно продвигалась в долине Красной реки, флот во главе с Омаром захватил приморский Вандон, который после поражения в бою сдал военачальник Чан Кхань Зы. Император отдал приказ заковать его в кандалы и привезти в столицу. Однако Чан Кхань Зы упросил императорского посланца дать ему несколько дней для того, чтобы искупить вину боевой победой. В результате Чан Кхань Зы, собрав остатки своих войск, напал на китайские транспортные корабли во главе с Чжан Вэньху, которые следовали за флотом Омара, и захватил огромное количество вражеского продовольствия и оружия, а также массу пленных [8, л. 53a]. Чан Нян Тонг оценил военные способности Чан Кхань Зы и простил его. Захваченные в плен вражеские солдаты были отправлены в лагерь Тогхана, дабы продемонстрировать вьетнамские боевые успехи [4, с. 403; 8, л. 53a].

Между тем, в начале 1288 г. флот Омара (без транспортных кораблей) поднялся вверх по течению Красной реки и устремился на соединение с Тогханом, который в это время, решив побыстрее закончить военную кампанию (прибытие к нему пленённых Чан Кхань Зы юаньских солдат произвело на него эффект, прямо противоположный тому, на который рассчитывал вьетнамский военачальник), перешёл Красную реку и с помощью пришедшего из Юньнани подкрепления смог взять столицу Тханглаунг. Однако, перед уходом из столицы вьетнамцы уничтожили продовольственные запасы [4, с. 403–404; 8, л. 53a].

Долго в столице без продовольствия Тогхан с Омаром сидеть не могли. Поэтому, отправив Омара с флотом к побережью вниз по течению Красной реки и надеясь на то, что тому удастся выйти в море и встретить новый грузовой транспорт из Китая [4, с. 404], «оголодавший» Тогхан вынужден был вскоре покинуть столицу и переместиться в Ванкиеп, ставший его «кормовой» базой [4, с. 404]. Перед тем как уйти из столицы, Тогхан ее сжёг [2, с. 159].

Сожжение столицы, «гуляние» Тогхана по Северному Вьетнаму, а Омара – по Красной реке, вызвали колебания родовой знати и высшего чиновничества. «При дворе стали раздаваться призывы к миру, некоторую активность проявляли вьетские сторонники Юаней» [2, с. 159], «очень многие *выонги*, *хоу* и чиновники направляли прошения в лагерь варваров» [8, л. 58a]. Уже после того, как интервенты были разгромлены, в их лагере был найден целый ящик с прошениями от представителей родовой знати и высшего чиновничества о переходе на сторону Юаней [8, 1697, л. 58a]. Однако Чан Хынг Дао и его сторонники были настроены совершенно непримиримо к противнику, и им удалось внушить колеблющимся веру в победу.

Между тем обстановка постепенно менялась к лучшему для вьетнамцев. Так и не встретив транспорта в заливе Бакбо, Омар вынужден был

вернуться к Тогхану. Но нашёл он его уже не в столице, которую тот покинул, а в Ванкиепе [2, с. 159; 4, с. 404; 8, л. 53а]. Прибытие новых воинских контингентов только осложнило ситуацию с продовольствием в Ванкиепе. К голоду добавились эпидемии [2, с. 159]. Надо было срочно что-то предпринимать до начала сезона дождей. В этой ситуации Тогхан снова отправил флот Омара вниз по реке Батьданг, а сам через некоторое время, в конце весны 1288 г., начал вместе с основным воинским контингентом отступать сушей в направлении к Лангшону. Правда, это отступление скорее походило на организованное бегство [4, с. 404]. Вьетнамцы устраивали отступающим ямы-ловушки, засады в узких ущельях, где монголы и китайцы гибли в массовом порядке. Интервентов заставляли уходить неудобными и опасными дорогами, так как основные пути были заняты силами вьетнамской армии [4, с. 404]. До границы из трёхсоттысячного войска, по оценкам Д.В. Деопика, добралось не более 100 тысяч человек [2, с. 159].

Однако потери сухопутной монголо-китайской армии не шли ни в какое сравнение с той трагедией, которая постигла флот Омара. Вьетнамское командование, блокировав всё, кроме одного притока этой реки, «вывело» флот Омара точно к месту засады, а затем, используя время отлива, «посадило» корабли интервентов на предварительно вкопанные в дно реки заострённые стволы деревьев. Сам Чан Хынг Дао участвовал в этом разгроме. Было захвачено 400 боевых кораблей, взят в плен Омар и множество монгольских и китайских военачальников. Масса китайских моряков утонуло в водах реки Батьданг [4, с. 404; 8, л. 54b].

Так плачевно для захватчиков закончилось последнее монголо-китайское вторжение во Вьетнам.

Однако, несмотря на победу, вьетнамцы «не расслаблялись». После традиционной «амнистии» (полной отмены поземельных налогов и трудовых повинностей в тех местах, которые подверглись разорению от пожаров и грабежей и частичного снижения тягла в других местах), отправки в Китай пленных во главе с Омаром (правда, корабль с Омаром был намеренно затоплен) [8, л. 56b], правительство лишь частично наградило отличившихся наградами и титулами. К тем, кто остался неудовлетворённым и обиженным, император обратился со следующей речью: «Господа, если вы точно знаете, что северные варвары более не нападут, то ясно скажите это Нам. И тогда даже самых высоких степеней Мы для вас не пожалеем. Но если [вы не можете сказать, что] это так, и [Мы] поспешим дать все награды и отличия, а северные варвары паче чаяния вновь явятся, и вы опять будете иметь подвиги и заслуги, то чем Мы сможем вознаградить вас, чтобы дать пример для Поднебесной?!» Недовольные вынуждены были замолчать.

Зато широко использовались «откупа» от наказаний простых солдат и крестьян, которым разрешалось искупить вину трудовыми работами: они должны были возить лес и камень для строительства дворцов и палат. В отношении чиновников приговор зависел от тяжести вины [8, л. 57a]. Изменившая знать, перешедшая на сторону монголов и оставшаяся на их стороне, лишалась принадлежности и императорской фамилии и наделялась

уничижительными кличками. Например, главный изменник, Аньнань гован Чан Ить Так стал называться А-Чан – Прелестница Чан, что указывало на его женскую податливость по отношению к монголам [8, л. 58а].

Особо наказывали те местности, население которых в массовом порядке переходило на службу монголам. В таких местах население поголовно отправлялось на каторгу либо дарилось государственным чиновникам в качестве бесправных зависимых [8, л. 58а].

В начале 1290 г. император назначил чиновников для управления областями, а затем неожиданно для многих придворных решил сам возглавить поход в лаосское княжество Сиенкуанг. Поскольку на границах продолжала стоять готовая к вторжению китайская армия, часть высших чиновников высказала явное неудовольствие столь решительными действиями верховной власти. «[Сейчас] поганые варвары только-только ушли, раны и страдания [народа] еще не залечены. Разве можно начинать войну!?!». На это император завил: «Только в такой момент и можно двинуть войска. Если [дождаться окончательного] ухода варваров, то в трёх краях (в Сиенкуанге. – *И.Р.*) непременно решат, что вся наша пехота и конница полегла, и наша сила не может быть приведена в движение. После чего мы подвергнемся осмеянию изнутри (от собственного народа. – *И.Р.*). Вот почему нужно поднять большую [армию] и показать [нашу] мощь». Несмотря на продолжающееся сопротивление части высших чиновников и знати император всё-таки настоял на походе, который он лично возглавил [8, л. 58b].

В 1290–1291 гг. правительство преодолевало последствия войны: боролось с голодом путём хлебных раздач. В 1292 г. из-за жестокого мора, сократившего численность налогоплательщиков, проданным в рабство крестьянам было даже разрешено выкупаться на свободу. При всех этих внутренних трудностях вьетнамские власти решительно отвергали (под предлогом необходимости исполнения траура по только что умершему императору-наставнику Чан Тхань Тонгу) требование Хубилая, обращённое к Чан Нянь Тонгу, лично явиться в Даду (Пекин) [8, л. 61а].

В 1293 году Чан Нянь Тонг по традиции «уступил» престол наследному принцу, ставшему императором Чан Ань Тонгом (1293–1313), хотя и не устранился от власти [8, л. 61b].

В результате этой решительной и выдержанной политики, вьетнамским властям, которым постоянно угрожала стоящая у границ монголо-китайская армия, удалось продержаться вплоть до смерти Хубилая в 1294 г. Наконец, в 1294 г. наследник Хубилая, Олджейту-Тимур, распустил войска, стоящие на границей с Дайвьетом [4, с. 404–405] и восстановил с Вьетнамом нормальные традиционные отношения [2, с. 161]. В итоге Вьетнам выстоял в этой антимонгольской борьбе, чего не смогли сделать многие другие государства.

В принципе, кроме Вьетнама и Чампы, монголы потерпели военное поражение только лишь от войск мамлюков, разгромивших монгольское войско в Сирии при Айн Джалуте в 1260 г. [4, с. 519]. Войска Делийского султаната не допустили монголов в Северную Индию, но при

этом в 1221 г. пожертвовали своим единоверцем Джелал уд-Дином, обратившимся с просьбой к Шамс уд-дин Илтутмышу оказать ему поддержку. Наряду с подарками Джалал уд-дину, Илтутмыш попросил ему передать, что «климат этих мест не походит высокородному принцу», а вскоре войска султаната выступили против наследника хорезмшаха и заставили его отступить на запад [4, с. 423]. Впрочем, монгольская угроза западным границам Делийского султаната продолжала сохраняться на протяжении всего XIII и в начале XIV вв., не давая возможности делийским властям завершить покорение Индии [4, с. 424–426, 451].

Говоря о беспримерной стойкости вьетнамцев, прежде всего, вьетнамского крестьянства (именно при участии крестьянства было свергнуто иноземное господство в IX–X вв. [2, с. 65], а проявления слабости – переход на сторону монголов в начале 1285 г. и в начале 1288 г. – упомянуты хрониками, в основном, со стороны части родовой знати и высшего чиновничества), особенно проявившейся в 1284–1288 гг., следует отметить дополнительный источник этой стойкости, связанный с особым вариантом древнего аустрического религиозного культа «бога-царя», сочетающегося с «анархическими» установками буддизма *тихен* (кит. *чань*), в трудах мыслителей которого отражалась идея государственной необходимости [2, с. 68]. Преданность правителю, обладавшему как светской, так и (в той или иной степени) религиозной властью в сочетании с идеей брэнности человеческой жизни давала вьетнамским императорам периода правления династии Чан возможность располагать как «телом» (подушный и поземельный налог, участие в трудовых работах и несение военной обязанности), так и (в той или иной степени) «душой» основной массы населения (в обряде ритуальной пахоты правителя воплощалось культовое единство деяний императора и благополучия его народа). В случае полной разделённости светской и религиозной власти поражение одной из них, а именно, светской, не воспринималось как религиозная катастрофа. В связи с чем эта религиозная власть могла вполне сочетаться с другой светской системой и даже при определённых условиях встраиваться в неё. Когда же светская и религиозная власть, полностью или частично, была представлена в одном субъекте, а именно, во вьетнамском императоре, то крушение этого субъекта являлось не только крушением светской власти, но также (полностью или частично) и религиозной катастрофой.

В христианстве, например, в том случае, естественно, если оно не было встроено в государственную систему (как это стало с православием в России с начала XVIII в. и до 1917 г.), смена власти отнюдь не означала религиозной трагедии. Более того, известное библейское изречение «Несть бо власть, аще не от Бога» (ап. Павел, Рим. 13; в синодальном переводе: «ибо нет власти не от Бога»), давало возможность христианской церкви, признать, в принципе, любую власть. Более того, противник-победитель воспринимался как «Бич Божий», «кара Господня», которой было грешно сопротивляться. Применительно к монгольскому нашествию это положение сыграло роль примирения с захватчиками кавказских народов. После того, как три татарских военачальника, Чорман,

Бенал и Мулар с несметным числом всадников напали на крепости и взяли Шамхор близ Гандзака, взятого ими ранее, взяли Зугам, Кархерц, Теревен, царскую резиденцию – Гардман, сильную крепость – Ергеванк, Мцнаберд, взяли посредством орудий укрепленный замок Тавуш, местопребывание султана; взяли Терунакан и Нор-берд, взяли также пещеру великого вардапета Ванакана со всем его имуществом, а самого великого вардапета, Ванакана, увели в рабство вместе с его учениками; но жители страны приняли в них живейшее участие, дав золота и сокровищ они выкупили вардапета с его учениками, «тогда только мудрые князья армянские и грузинские узнали, что **Господь даровал татарам силу и победу над страной нашей** (выделено мной. – *И.Р.*). Потому они смирились и подчинились им: согласились платить им дань, известную под именем *мал* и *тагар* и обещались идти со всей своей конницей туда, куда бы они ни повели. Татары, довольные их покорностью, перестали грабить и разорять страну» [3, с. 5].

Приблизительно такова же была и реакция русской православной церкви на монгольское завоевание. После трагической битвы русско-половецкого войска с монголами в 1223 г., по мнению историка И.Н. Данилевского, «поражение на Калке однозначно расценивалось как наказание русских: либо как уже состоявшаяся *расплата* за грехи (Лаврентьевская и Новгородская первая летопись); либо как своеобразное *предупреждение* о необходимости исправиться (Ипатьевская летопись)... Особенностью... рассказов Новгородской первой и Лаврентьевской летописей является то, что в них союз русских князей с „погаными“ половцами оценивается крайне отрицательно, в то время как татары ещё не воспринимаются как „безбожные“. Видимо, поэтому поражение на Калке не представляется катастрофой, а действия южнорусских князей оцениваются критически. Однако... летописцы осуждают не столько разобщённость русских сил, сколько неблагоприятность самого участия в противодействии „бичу Божьему“ (т.е. татарам. – *И.Р.*)» [1, с. 131, 132].

Ранние описания Батыева нашествия на Русь в 1237–1240 гг. также внушают смирение перед татарами, как перед «бичом Божьим». «В представлении авторов рассказов Новгородской первой и Лаврентьевской летописей спасение виделось в смиренном принятии „Божьей кары“ и покаянии. Борьба с иноземцами воспринималась как заранее обречённое дело и не могла стать „эталонным“ поведением христианина» [1, с. 179–180]. Авторы повествования о нашествии Батыева на Русь были далеки от того чтобы изображать «беззаветное мужество народа» [1, с. 181]. Скорее, «для летописцев в первые полтора века после нашествия Батыева свойственно примирительное отношение к татарскому владычеству» [5, с. 219].

Постепенно, образ «татарина» в русском летописании приобретает явно негативные оттенки. В краткой летописной повести «о великом побоище, иже на Дону», появившейся в качестве памятника в конце XIV – начале XV в., и приобретшего окончательно дошедший до нас вид в результате той летописной работы, которую вели составители «свода 1408 г.» [1,

с. 272; 6, с. 110], присутствует «безбожный и злочестивый Ордынский князь Мамай поганый», против которого выступил князь Дмитрий Иванович, «хотя боронити своя отчины и за святые церкви и за православную веру христианскую и за всю Руськую землю»⁵ [1, с. 277]. Только в этом источнике, скорее всего, начала XV в., «противостояние Мамай и Дмитрия Ивановича рассматривается автором повести не как следствие «Божьего пощущения» и не как «наказание Господне», а «как личный конфликт «ордынского князя» и «великого князя». «Руськой земле» противостоит уже не Бог, а вполне конкретная «земля Половечская и Татарская»... Наконец, русским князьям, кажется, впервые за время ордынского владычества на Руси, «поможе Бог»» [1, с. 278]. Таким образом, для осмысления русской политической элитой необходимости противостояния власти монголов, что можно было делать, только опираясь на помощь Божью⁶, потребовалось почти 200 лет.

Подобное отношение было совершенно невозможно во вьетнамской политико-идеологической традиции, в которой огромное место занимал культ «Бога-царя», впоследствии трансформировавшийся в культ императорских предков и духов земли, что составило сложный государственный культ, дававший верховному правителю монопольную власть не только на «тело», но и на душу своих подданных. Это совмещение (в той или иной мере) светской и религиозной власти во Вьетнаме явилось значительным фактором, способствующим накалу антимонгольской борьбы и победе в этой борьбе вьетнамского народа.

Примечания

¹ За это впоследствии Ле Фу Чану была пожалована должность *нгыши дай-фу*, дана в жёны последняя правительница династии Ли, бывшая супруга основателя династии Чан, благодаря которой первый чанский император получил вьетнамский престол, кроме того, Ле Фу Чан получил почётную должность посла в Китае [8, л.22b.]

² По видимому, в данном случае, создатели вьетнамской хроники прибегают к некоторой, правда, далеко не полной аллюзии: хорошо известному эпизоду из романа «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна, который описывает скитания ханьского императора Сянь-ди, насильно увезённого из столицы Чаньань, а затем переходившего их рук одного военачальника в руки другого. В ходе всех этих злоключений «архивы, книги и всё имущество двора было брошено» (*Ло Гуаньчжун*. Троецарствие. М., 1954, с. 172), император попал в руки разбойников, оказавших ему почтение и спасавших от преследования «мятежников» на «утлом судёнышке»: «Когда переправились на противоположный берег, от всей императорской свиты осталось лишь девять человек... Голодные и усталые, остановились они на ночлег в бедном домике под черепичной крышей. Старик крестьянин принёс немного пшеничной каши для императора и императрицы, но каша была так груба, что они не могли её есть» (*Ло Гуаньчжун*. Троецарствие. М., 1954, с. 173) [8, л. 44b].

³ В начале 1285 г. вместе с близким императорским родственником Чан Киеном монголам сдался в плен Ле Так. После отправки Сагату изменников в Китай в

приграничных районах Чан Киен был убит местными вьетнамскими жителями, а Ле Так, «взвалил труп Киена а коня», сумел добраться до китайской территории [8, л. 47а].

⁴ Когда императору Чан Нян Тонгу принесли голову Сагату, он «скорбно сказал: «Таков удел слуги». Снял с себя императорскую одежду и велел присмотреть, чтобы её положили в гроб и похоронили. Однако тайком [велел] замумифицировать её в масле, чтобы [сохранить] в назидание, поскольку Тоа До (Сагату. – *И.Р.*) целых три года пытался «пользоваться дорогами» нашей страны (для похода на Тиентхань) [8, л. 49б].

⁵ Сходный негативный образ «татарина» присутствует и в «Повести об убийстве Михаила Тверского», зафиксированной в Софийской первой летописи старшего извода (вторая половина XV в.): «кровопивец Кавгадый» [1, с. 250].

⁶ Сражаться с Мамаем, с точки зрения составителей краткой летописной повести «о великом побоище, иже на Дону», можно было только потому что он был «князь», узурпировавший власть законного «царя» Тохтамыша, который был (в отличие от Мамаю) прирождённым ханом, потомком Чингиз-хана и союзником русских князей [1, с. 277].

Литература

1. *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). Курс лекций. М., 2001.
2. *Деоник Д.В.* История Вьетнама. Часть. 1. М., 1994.
3. *Инок Магакия.* История народа стрелков (Монголов) // <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Magakija/frameset.htm>
4. История Востока в шести томах. Восток в средние века. Т. II. М., 1995.
5. *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
6. *Рудаков В.Н.* Отображение монголо-татар в древнерусской литературе середины XIII–XV вв.: Эволюция представлений, сюжетов и образов. – Дисс. канд. филолог. наук. Рукопись. М., 1999.
7. *Рябинина И.А.* Периодизация монголо-вьетнамского противостояния во второй половине XIII века (1257–1294 гг.). Аспирантский сборник. М., 2009 [в печати].
8. Дай Вьет ши ки тоан тхы (Полное собрание исторических записок Великого Вьета). Глава 5. (Цит. по ксилографу эры Тсинь-хуа (1697 год) SA/PD2310, хранящемуся в Библиотеке Азиатского Общества в Париже).